ВАДИМ ДМИТРИЕВИЧ РАК КАК ПУШКИНИСТ

Вадим Дмитриевич Рак прожил долгую и разностороннюю жизнь в науке.[1] Владевший несколькими европейскими языками и обладавший серьезными познаниями в области не только русской, но и ряда европейских литератур, он принадлежал к замечательной школе петербургских исследователей, представленной такими, например, именами, как М. П. Алексеев и Б. Г. Реизов.

Деятельность В. Д. Рака по исследованию русской литературы можно разделить на три основных периода. Вначале — еще работая в Отделе систематизации Государственной публичной библиотеки (ныне Российской национальной библиотеки) — он занимался русской литературой XVIII века и — в меньшей степени — творчеством Ф. М. Достоевского. Затем, будучи приглашен в Отдел пушкиноведения Института русской литературы, Вадим Дмитриевич посвятил себя главным образом изучению творчества Пушкина. Наконец, в последнее десятилетие своей жизни, не оставляя занятий XVIII веком, он сосредоточился главным образом на достоевистике.

Таким образом, к изучению творчества Пушкина В. Д. Рак обратился, будучи уже прекрасным специалистом в области истории русской литературы XVIII века. Такой переход надо признать вполне органичным и плодотворным. Ведь Пушкин сам по себе замыкает и венчает собой длительную литературную традицию русской литературы, тесно связанную с ведущими литературами Европы. Обширные познания в области этой традиции предоставляли Раку все возможности для успешных занятий творчеством Пушкина. И он сполна ими воспользовался.

[1] См. о нем: *Багно В. Е., Кочеткова Н. Д., Тарасова Н. А.* Памяти Вадима Дмитриевича Рака // Русская литература. 2020. № 1. С. 231—232.

© С. А. Кибальник, 2022
Пушкинский кабинет ИРЛИ

DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-241-249

Наиболее интенсивные занятия В. Д. Рака творчеством Пушкина приходятся на уже довольно зрелый период его научной биографии. В 1988 году тогдашний заведующий Отделом пушкиноведения, доктор филологических наук С. А. Фомичев пригласил В. Д. Рака на работу в этот отдел, и очень скоро тот стал одним из основных и деятельных его сотрудников. Он вошел в редколлегии нового академического издания Полного собрания сочинений Пушкина, «Пушкинской энциклопедии» и нескольких периодических изданий, выпускаемых Отделом пушкиноведения.

Многие замечательные разыскания исследователя если и не касались прямо темы «Пушкин и XVIII век», то были отмечены прекрасным владением материалом не только русской, но и западноевропейских литератур XVIII века. Проиллюстрируем разные грани литературоведческого дара Вадима Дмитриевича на примере отдельных его статей.

Замечательным примером источниковедческих исследований, мастером которых был В. Д. Рак, является, например, его статья «О четверостишии, приписанном Пушкину».[2] Начинается она с исчерпывающих библиографических разысканий, которые также были сильной стороной ученого. Рак показывает, что уже многие исследователи советского времени отрицали наличие оснований для приписывания довольно радикального политического четверостишия «Мы добрых граждан позабавим...» Пушкину. Не оказалось таких оснований и в имеющихся копиях эпиграммы, и в свидетельствах современников. И далее высказанное еще Н. О. Лернером предположение, что «эта формула расправы с королями и попами восходит к “Завещанию” Жана Мелье» (с. 51), В. Д. Рак поверяет своими собственными детальными разысканиями.

Вывод, к которому он приходит, довольно значителен: «...формула “повесить одного на кишках другого” существовала уже по крайней мере за 35—40 лет до того, как ее использовал Мелье, и это, несомненно, придает убедительность высказанному выше предположению о том, что он <Пушкин> почерпнул ее из французской публицистики конца XVII — начала XVIII в.» (с. 61).

Однако и это еще не все. Ту же формулу Рак далее обнаруживает в романе Н. С. Лескова «На ножах» и высказывает по этому поводу весьма правдоподобное предположение, что тому эта формула стала известна из «Письмовника» Н. Г. Курганова, в котором

[2] Далее, кроме специально оговоренных случаев, пушкиноведческие статьи В. Д. Рака цитируются (с указанием номера страницы в скобках) и излагаются по его книге «Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям)» (СПб.: Академический проект, 2003).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

она также встречается. Несмотря на то что исследователю удалось в рамках этой небольшой статьи исправить множество попавших в печать неточностей и произвольных суждений, заканчивается она фразой: «Впрочем, и во всей истории этого изречения остается еще немало пробелов» (с. 63). И в этом сказываются обычные для В. Д. Рака сдержанность и рассудительность.

Другая статья В. Д. Рака «Заметки к теме “Пушкин и Байрон”» любопытна не только тщательными библиографическими разысканиями, которые позволили исследователю уточнить важный вопрос о том, когда в распоряжении Пушкина и других русских читателей оказались собрания произведений Байрона во французском переводе, но и полемикой, которую по этому вопросу исследователю пришлось вести с В. В. Набоковым.

К сожалению, поскольку в петербургских и московских библиотеках отсутствуют полные комплекты собраний сочинений Байрона во французских переводах А. Пишо и Э. де Саля, они не были изучены дореволюционными и советскими пушкинистами. Имевший доступ к ним Набоков вместо детального изучения этих переводов выдвинул декларативные обвинения, не восполнив имеющегося пробела: «Русские комментаторы упорно не замечают того важного факта, что в пушкинскую эпоху русские писатели знали литературу Англии, Германии и Италии, как и произведения древних, не по оригиналам, а по несметным пересказам неутомимых французов».[3] Возражая на это, Рак привел сходное суждение на сей счет М. А. Цявловского, высказанное задолго до Набокова.

Набоков далее утверждал, что «к 1820 г. нетерпеливые русские читатели уже могли получить четыре начальных тома первого издания (1819) сочинений Байрона, переводы которых выполнили Пишо и де Саль; в этих-то прозаических переложениях, жалких и искаженных подобиях оригиналов, Пушкин впервые и прочитал (возможно, по дороге из Петербурга в Пятигорск, и уж наверняка в Пятигорске, летом 1820 г., вместе с братьями Раевскими <...>) “Корсара”, “Манфреда” и первые две песни “Паломничества Чайльд-Гарольда”».[4] Довольно резко осуждая Набокова за «привычный высокомерный сарказм» и «поверхностное скольжение по предмету» (с. 72, 74), Рак тем не менее берется детально рассмотреть высказанное писателем предположение.

Проанализировав книготорговые объявления в тогдашней русской печати, исследователь приходит к выводу о том, что оно вполне

[3] *Набоков В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб., 1998. С. 182.

[4] Там же.

правдоподобно. Однако он все же полагает маловероятным, что французское собрание сочинений было у Раевских в их путешествии с Пушкиным, поскольку до их отъезда из Петербурга у книгопродавцев таких изданий все еще не было и они вряд ли приложили усилия, чтобы приобрести какое-нибудь из них каким-то другим путем, поскольку дочери генерала и его сын Николай Николаевич знали английский язык.

Статья заканчивается довольно едким пассажем: «Заключая, остается признать, что презираемые В. В. Набоковым "русские комментаторы" и "русские издатели" добросовестно собрали сведения и сделали правильные, хотя и нуждавшиеся в уточнениях выводы о знакомстве Пушкина с поэзией Байрона в южный период, а высокомерные суждения автора "Лолиты" не выдерживают научной проверки» (с. 100). С моей точки зрения, вместо этого стоило бы, может быть, более отчетливо возразить Набокову по существу: большинство русских читателей, как известно, действительно знакомились тогда с Байроном в переводе, но Пушкин все же, скорее всего, хотя и с помощью Раевских, вначале пытался читать его в оригинале. Между прочим, именно подобный подход был реализован в одной из моих статей на эту тему.[5] Тем не менее полезные библиографические разыскания исследователя, несомненно, и в этом случае помогли внести ясность в давно обсуждаемый вопрос о хронологии появления в России собраний произведений Байрона во французском переводе.

Будучи убежденным сторонником академического пушкиноведения, В. Д. Рак не раз довольно аргументированно и ярко отвечал его критикам. Собственно, именно этому предмету посвящена его статья «О кризисе академического пушкиноведения и подметках великих пушкинистов», помещенная «вместо предисловия» в его книгу «Пушкин, Достоевский и другие». «Как будут развиваться события, если исчезнет академическое пушкиноведение, предвидеть легко, наблюдая современные тенденции, — писал в ней исследователь. — Сбросив с пьедестала Пушкина советского — "интернационалиста", "вольнодумца", "материалиста", "атеиста", "неизлечимого вольтерьянца", "врага царизму" и проч., водрузят на его место безапелляционно Пушкина — набожного русского человека, верноподданного монархиста, противника демократии, добропорядочного семьянина и гиганта мысли» (с. 14).

Исследователь проницательно предсказывал, что на смену советскому Пушкину придет противоположный ему новый облик по-

[5] См.: *Кибальник С. А.* Тема изгнания в поэзии Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 33—50.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

эта: «Этот Пушкин, не лишенный, как и его советский предшественник, реальных черт, представленных в искажении, будет столь же, как и он, "топорным" и быстро начнет вызывать протест, порождая свои отрицания. Возникнут (да уже и существуют) другие "целостные" Пушкины, а исторически подлинный облик поэта скроется под их густыми наслоениями и начнет становиться неразличимым» (с. 14).

Как адепт историко-литературных методов в изучении литературного произведения, В. Д. Рак выступает в этой статье также и против издержек так называемого «философского пушкиноведения». Может быть, не со всем из сказанного здесь исследователем можно безоговорочно согласиться. Однако сама по себе защита академических методов в изучении Пушкина в наш век постепенного понижения научных стандартов и расцвета на этом фоне поверхностной научно-популярной литературы не может не вызывать одобрения и поддержки.

Развивая эту тенденцию в статье «В защиту памяти Б. В. Томашевского», блестящем критическом памфлете по поводу книги В. Д. Сквозникова «Пушкин. Историческая мысль поэта» (1999), Рак находит точные параллели подобным явлениям в истории науки середины XX века, которая ему была известна не по учебникам: «В пестром по составу лагере противников академического пушкиноведения, сильно в последнее время активизировавшемся, обозначились неистовые разоблачители-ниспровергатели, поставившие себе целью окончательно и бесповоротно скомпрометировать эту отрасль науки, извратив и очернив ее историю, подобно тому, как это делали в конце 1940-х — начале 1950-х гг., расправляясь с отечественной компаративистикой» (с. 23).

Научная принципиальность, смелость и здоровый скептицизм вообще отличали В. Д. Рака. Ни в статьях, ни в устных выступлениях он не уклонялся от борьбы с лжеспециалистами, которых в науке не меньше, чем в любой другой области, а уж в изучении главнейших русских классиков — тем более. Знаменитую строку из «Юбилейного» В. В. Маяковского: «Бойтесь пушкинистов» — Вадим Дмитриевич, как и многие другие из нас, предпочитал цитировать с противоположным знаком: «Бойтесь непушкинистов!»

Будучи профессиональным текстологом, В. Д. Рак, естественно, стал автором целого ряда статей, посвященных чисто текстологическим темам. В его книге таких работ немало: «Пушкин на подступах к поэме "Кавказ" и в работе над нею», «Анализ автографа "Я видел Азии бесплодные пределы..."», «О тексте пушкинского послания "Ты прав, мой друг, напрасно я презрел..."», «Запись

“14 juillet 1826 Zo... <?>”», «Контрапункт рабочей тетради А. С. Пушкина (“Акафист Е. Н. Карамзиной”, “Арап Петра Великого”, “Евгений Онегин”)», «Как текстологи создавали и разрушали пушкинский шедевр: (О тексте чернового наброска “Царь увидел пред собою”)». Другие исследования подобного рода можно найти в печатаемой ниже библиографии работ ученого.

Не останавливаясь подробно на этих статьях, каждая из которых заслуживает детального рассмотрения, приведу здесь важный методологический вывод, сделанный исследователем в финале одной из них: «Любой черновик, любой план только лишь замышляемого или уже находящегося в работе произведения сосредоточивает в себе некоторую множественность авторских интенций, из которых одни, часто сильно трансформированные, будут реализованы, другие, претерпевая изменения, переродятся в новые интенции, третьи либо навечно законсервируются в состоянии нераспустившихся бутонов, либо перейдут в другие замыслы (произведения) и там дадут свои цветы и плоды. Черновик (план) всегда текуч, в процессе его создания не случается ни единого момента, когда все его детали были бы одновременно неподвижны и вся система была бы статична; даже брошенный, он застывает навсегда в динамике, подобно персонажам волшебной сказки, заколдованным злою феей. Любая реконструкция авторской творческой мысли, бродившей в этих извивах, всегда гипотетична и несет обязательно на себе отпечаток личности исследователя, который выбирает для себя определенные принципы и основания анализа и проводит его, руководствуясь сложившимися у него представлениями о закономерностях и приемах процесса сочинения изучаемого писателя. Гипотетичность, приходя во взаимодействие с авторской множественностью, о которой шла речь, неизбежно порождает множественность исследовательских выводов и решений, через которую шаг за шагом наука приближается к наиболее вероятным и обоснованным».[6]

В названных выше статьях продемонстрировано, как часто это обстоятельство не принималось во внимание и многие пушкинские стихотворения вначале конструировались из черновиков самими текстологами, а потом еще неоднократно ими «усовершенствовались». Здравый ум и трезвый скептицизм В. Д. Рака, к счастью, всегда удерживал от этого его самого.

Приведу еще один пример текстологического исследования В. Д. Рака, выбрав на сей раз сюжет, о котором немного писал я сам. Это его статья «О гипотетическом пушкинском цикле “Эпи-

[6] *Рак В. Д.* Пушкинские планы произведения о стрельце, влюбленном в боярскую дочь // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 259.

граммы во вкусе древних"».[7] В ней решается вопрос о том, к каким именно стихотворениям относится этот жанровый заголовок в третьей кишиневской тетради. Статья полемична в первую очередь по отношению к работе В. Б. Сандомирской, которая распространила его на девятнадцать стихотворений.[8]

Вскоре после выхода статьи Сандомирской я обратился к той же теме и, не касаясь собственно текстологической стороны дела, признал соответствующими значению, которое в понятие «эпиграммы во вкусе древних» вкладывал в 1821 г. Пушкин, лишь пять первых стихотворений. При этом я высказал предположение, согласно которому поэт «перебеляя стихотворения в третьей кишиневской тетради, постепенно отошел от принципов их отбора, обозначенного в заголовке, и начал записывать в него лирические стихи вообще».[9]

В. Д. Рак решал этот вопрос на сугубо текстологических основаниях. «Непреложным и, можно с уверенностью заявить, решающим обстоятельством следует признать то, что <...> Пушкин разделительными знаками разных иерархических ступеней четко обозначил, какие стихотворения попадают под действие заголовка и на каком из них его действие заканчивается», — утверждал исследователь. Так что его конечный вывод: «Именно эти два стихотворения: "Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду..." и "Редеет облаков летучая гряда..." — могут и должны быть приняты за основной "эталон" пушкинского понимания в 1821 г. формы русской "эпиграммы во вкусе древних"»[10] — мне представляется довольно убедительным.

Будучи в течение многих лет ответственным редактором девятого тома нового академического издания Полного собрания сочинений Пушкина, В. Д. Рак писал комментарии сам и редактировал написанное другими авторами. К сожалению, работа эта так и не была доведена до конца: том не был сдан в печать, а Вадим Дмитриевич перешел на работу в Группу по изучению творчества Ф. М. Достоевского. Однако, к счастью, подготовленные им комментарии все же нашли применение в научно-популярных изданиях

---

[7] См.: *Рак В. Д.* О гипотетическом пушкинском цикле «Эпиграммы во вкусе древних» // Там же. С. 260—278.

[8] См.: *Сандомирская В. Б.* Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков) // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979. С. 15—30.

[9] *Кибальник С. А.* 1) Антологические эпиграммы Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 154; 2) Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990. С. 170—171.

[10] *Рак В. Д.* О гипотетическом пушкинском цикле «Эпиграммы во вкусе древних». С. 272.

пушкинской прозы, в частности, в составе Собрания сочинений Пушкина в пяти томах, выпущенного издательством «Библиополис»,[11] и в издании пушкинских «Сочинений в прозе» с иллюстрациями Б. П. Забирохина в издательстве «Вита Нова».[12]

В 2004 году В. Д. Рак выступил ответственным редактором сдвоенных XVIII—XIX томов серийного издания «Пушкин: Исследования и материалы», целиком посвященных теме «Пушкин и мировая литература. Материалы к "Пушкинской энциклопедии"» (СПб.: Наука, 2004. 444 с.). В них вошло более шестидесяти статей В. Д. Рака, посвященных значимым для творческого сознания Пушкина европейским (английским, французским, немецким, славянским и др.), американским и античным писателям, а также обзорные статьи «Английская литература», «Англия», «Чехия и Словакия», «Южные славяне» (в разделе «Прижизненная известность Пушкина за рубежом»), «Сербская литература», «Чешская и словацкая литература».[13]

Особое внимание В. Д. Рак проявлял к библиографической основе литературоведческого исследования, любил процесс поиска информационных и книжных источников, был придирчив к оформлению и точности библиографических сведений. Многие годы исследователь курировал работу Библиографической группы Пушкинского кабинета, в частности, подготовку юбилейной пушкинской библиографии 1999 года, которая сравнительно недавно вышла из печати.[14] Считая, что библиографический указатель — это не только справочник, но и увлекательная книга для научного чтения, исследователь всегда с интересом работал над систематизацией подобного материала и аннотированием записей. Уважение В. Д. Рака к конечному результату филологической работы выражалось и в его любви к книге — в особенности старой, добротно изданной.

Впрочем, и любую научную работу В. Д. Рака отличали научная добросовестность, объективность и взвешенность суждений, тонкость наблюдений, изысканность библиографических и источниковедческих разысканий. Глубокие профессиональные знания, скрупулезность и тщательность во всех видах работ, точность в выполне-

[11] *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Библиополис, 1994. Т. 4: Романы и повести / Сост. и автор комментария В. Д. Рак. 499 с.

[12] *Пушкин А. С.* Соч. в прозе / Иллюстрации Б. П. Забирохина. СПб.: Вита Нова, 2017. 506 с. Для данного издания В. Д. Раком был также составлен «Словарь устарелых и редко употребляемых слов» (с. 499—506).

[13] См.: Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18—19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии».

[14] См.: Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1999: Юбилейный год / Сост. Л. А. Тимофеева и Ю. А. Сорокина. СПб., 2019.

нии сроков, поразительная работоспособность — таковы главные отличительные черты этого исследователя. Вдобавок свои научные работы он писал довольно выразительным языком. Несмотря на внешнюю сухость и педантизм, в некоторых из них он даже прибегал к довольно замысловатым литературным тропам и фигурам.

Вспоминаю один эпизод, относящийся к подготовке международной научной конференции и сборника статей по его материалам «А. М. Панченко и русская культура», которые я готовил и редактировал вместе с А. А. Панченко. Мне казалось, что В. Д. Рак по своему научному профилю не слишком подходит в качестве участника сборника статей и материалов памяти Александра Михайловича. Однако С. И. Николаев посоветовал мне все же пригласить его для участия в конференции, а затем, соответственно, и в сборнике. «Зато он напишет хорошую статью!» — так объяснил он свое предложение. Я не мог не согласиться с подобным аргументом, и так оно и получилось. И хотя для поминального сборника эта его статья, может быть, получилась, чрезмерно полемичной, но по качеству действительно отличалась с самой выгодной стороны.[15]

Вадим Дмитриевич Рак стал примером замечательного научного долголетия. Его работы о Пушкине лишний раз убеждают, что с возрастом выдающиеся филологи начинают писать только лучше и что тот, кто отличался трудолюбием и увлеченностью научной деятельностью смолоду, точно так же продолжает работать и до конца жизни.

С. А. Кибальник

ПУШКИНОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ В. Д. РАКА*

Составили Ю. А. Сорокина и Л. А. Тимофеева

*К истории четверостишия, приписанного Пушкину: [«Мы добрых граждан позабавим...»] // Временник Пушкинской комиссии. 1973 / АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкинская комиссия; Ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1975. С. 107—117.

Ирвинговская реминисценция в «Каменном госте» // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкин-

[15] *Рак В. Д.* О датировке и начальных листах в тетради ПД 835 // А. М. Панченко и русская культура: Исследования и материалы. СПб., 2008. С. 116—125.

* Знаком (*) отмечены статьи, вошедшие в книгу: *Рак В. Д.* Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям): Сб. ст. СПб.: Академ. проект, 2003. 525 с.

© Ю. А. Сорокина, Л. А. Тимофеева, 2022
Пушкинский кабинет ИРЛИ
DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-249-257